

тьями. Обращает на себя внимание мемориальная датирующая надпись, выведенная под изображением крупными буквами: на одном конце рушника – «ВСПОМНЮ. Я СВОЮ. 1916 Г. МЛАДОСТ. КОГДА Я», а на другом – «БЫЛА ВЪ РОДИМА Г. ПАПАШИ. И МАМАШ». Эти надписи с ностальгическими нотками несут печать личных переживаний и не похожи на часто встречающиеся тексты пословиц, поговорок, песенных рефренов.

Итак, рушниковая сюжетная вышивка конца XIX – начала XX века репрезентирует новую для рассматриваемого периода систему эстетического освоения окружающей действительности, основанную на детализации, конкретизации образа, стремлении к «жизнеподобию» и «повествовательности»; демонстрирует эклектичность и подражательность, отход от конвенциональности и образительного языка.

Старые мотивы изживали себя, уже не могли соответствовать изменившейся жизни, новому быту и представлениям. Использование вышивальщицами готовых образцов, рисунков, распространяемых повсеместно как проявление «истинно национального стиля», вело к утрате этнической и региональной специфики народной вышивки в результате поверхностной стилизации и обеднения художественных форм.

Источники, литература и примечания

1. Как известно, в зависимости от меры проявления абстрагирующей или геометризующей тенденции теории искусства условно подразделяют орнамент на геометрический (неизобразительный) и изобразительный (Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. 6. СПб., 2008. С. 520).

2. Брылова Л. Ю. Сюжетные рушники Кубани и Дона конца XIX – начала XX века: формаль-

но-содержательный анализ // Кубань–Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Краснодар; Киев, 2012. С. 138–146.

3. Юрова Е. С. Старинные русские работы из бисера. М., 1995. С. 56, 57, 74.

4. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. КП 1099 Т 257.

5. Гужева Н. Псковские вышитые полотенца // Мир музея. 2011. № 5. С. 41–42; Крестьянская одежда населения европейской России: (XIX – начало XX в.): Определитель. Ил. 119; Исторический музей города Вытегра (Вологодская обл.). URL: <http://nar-art-textil.livejournal.com/9559.html>; Мазалецкая В. А. Надписи на произведениях народного искусства из собрания КБИАХМЗ [Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник]. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2176>; Троицкий собор – Краеведческий музей в Осташкове. URL: <http://www.ostashkov.ru/foto/show-77757>.

6. Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М., 1997. С. 75.

7. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. НМ 6178/2 Т 145.

8. Юрова Е. С. Старинные русские работы из бисера ... С. 15.

9. Старочеркасский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. КП 6294 Т-1055.

10. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. КМ 9155.

11. Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве // Советская этнография. 1948. № 1. С. 103.

L. YU. BRYLOVA, N. A. GANGUR. RUSSIAN TROYKA AND RUSSIAN DANCES: SUBJECT COMPOSITIONS IN RUSHNYK EMBROIDERY OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY (Based on museum collections of Don and Kuban)

Analyzing two most widespread subject compositions in folk embroidery on fabric for interior use, the authors of the article compare similar motifs in other directions of Russian applied art of the late XIX – early XX century.

Key words: ethnographic collections of Don and Kuban, cross-stitching, beading, rushnyk / towel, Russian style.

А. С. БЕЖКОВИЧ

ИЗ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА СТАНИЦЫ НОВОВЕЛИЧКОВСКОЙ

Публикуются образцы казачьих народных песен, записанных в 1965–1967-х годах этнографом А. С. Бежковичем на Кубани в станице Нововеличковской.

Ключевые слова: А. С. Бежкович, станица Нововеличковская, казачий песенный фольклор.

Долгое время считалось, что наш земляк, видный российский этнограф Афанасий Семенович Бежкович родился 28 ноября 1892 года в Екатеринодаре в казачьей семье. Так значилось в его авто- и биографиях, так называл он себя сам «на допросах с пристрастием» в знаменитых Крестах.

И лишь недавно стало известно, что никакой он не Бежкович, а Бежко, что появился на свет не в Екатеринодаре, а в станице Нововеличковской, где эту фамилию носит множество его дальних и близких родственников, а в честь одного из них даже названа улица. Год рождения тоже под-

правлен. Ученый «помолодел» на два года, превратившись на момент мировой и гражданской войн в «непризывного» [1]. Подчистить документы пришлось весной 1920 года, когда перед ним, молодым есаулом Добровольческой армии Юга России, встал вопрос: искать новую судьбу на чужбине или попытаться выжить на родине? Поскольку новая фамилия прижилась в науке, мы и далее будем называть ученого его настоящим именем.

С «липовыми» документами А. С. Бежкович отправился в 1922 году для поступления в Петроградский университет, на географический факультет, где среди прочих предметов широко изучали приглянувшуюся ему этнографию. И на практику – в этнографические экспедиции, начинающий ученый вполне сознательно ездил в родные кубанские станицы и черкесские аулы. Первая такая экспедиция состоялась в декабре 1923 – январе 1924 года. Маршрут пролегал через станицу Ильскую, хутора Красный и Львовский, далее – станицы Марьянскую и Величковскую, аулы Панахес и Псейтук. В августе 1924 года он вновь посетил Кубань с целью изучения местных коммун. Побывал в стенах женского монастыря Марии Магдалины близ станицы Роговской, где обосновалась коммуна «Всемирная дружба», и в коммуне «Федоровская», названной, как рассказали Бежковичу, в честь никому не известного революционера Федора. Дневники, которые вел Афанасий Семенович во время этих поездок, стали ценнейшим историческим документом.

Добытые в экспедиции сведения обильно, но далеко не полностью были использованы молодым ученым при написании статей «Черкесы и русская культура» (Революция в деревне. Вып. 1. М., 1924) и «Землеустройство на Кубани» (Там же. Вып. 2. М., 1925) и в книге «Коллективизация сельского хозяйства на юге России. Экономический быт сельскохозяйственных коммун “Красное Знамя” и “Прямой путь”, “Всемирная дружба” и “Федоровская”» (Л., 1927).

По окончании университета А. С. Бежкович получил назначение в академический Институт народов Севера. Но по-прежнему душа болела кубанскими проблемами. Это привело его в Ленинградское общество исследователей украинской истории, литературы и языка – фактически, местный филиал Украинской академии наук, который специализировался на изучении жизни украинцев РСФСР. В списках членов этого общества, возникшего в 1921–1922 годах, «О. Бежкович» значился с самого начала, 2 июня 1926 года был избран действительным членом этой организации. Столь важному для академической карьеры событию предшествовали его выступления на заседаниях с докладами «Этнический состав и история колонизации Кубани» (22 февр.) и «Эволюция земледелия и скотоводства на Кубани» (22 мар.). В первом (1928) и третьем выпусках «Научного сборника» украинского Товарищества была напечатана с продолжением его статья «Эволюция земледельческого оборудования на Кубани», сыгравшая затем роковую роль в его судьбе. В отчете

о деятельности общества за 1929 год указано, что им прочитаны доклады «Этнографическая карта Северо-Кавказского края, подготовленная А. Г. Жаниевым, и ее ошибки» (5 мар.) и «Отчет о командировке летом 1929 г. на Кубань» (13 дек.).

Арестовали А. Бежковича 29 ноября 1933 года по делу «О Российской национальной партии» (Дело славистов), по которому проходил цвет советской академической науки начала 1930-х: каким-то образом чекистам удалось захватить «в одну вершу» ведущих искусствоведов, этнографов, славистов, архитекторов Ленинграда и Москвы. В числе арестованных – заведующий украинским отделением Русского музея Б. Г. Крыжановский, известный реставратор и архитектор П. Д. Барановский, этнолог-украинист Н. И. Лебедева, члены-корреспонденты АН СССР московские слависты Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, профессора В. В. Виноградов, К. В. Квитка, П. А. Расторгуев, Н. Л. Туницкий, И. Г. Голанов, В. Ф. Ржига, ученый секретарь Института славяноведения АН СССР В. Н. Кораблев, специалист по украинской литературе К. А. Копержинский, виднейший кавказовед А. А. Миллер и многие другие.

К концу марта 1934 года следствие было закончено. В список приговоренных к трем годам лагерей включено имя А. С. Бежковича. Виновным себя ни на следствии, ни на суде он не признал. Отмеренный срок отбывал в Карагандинской области. Освобожден досрочно 14 мая 1936 года, разумеется, без права возвращения в Ленинград. Жил в Нальчике (1936–1937), потом в Ташкенте (1937–1948), где работал в Музее искусств Узбекистана. В 1948-м ему наконец-то разрешили вернуться в Ленинград, где он заведовал отделом Украины и Белоруссии Государственного музея народов СССР.

Постепенно имя опального ученого возвращается на страницы академических изданий, выходят из печати статьи «Карта народов СССР» (журнал «Советская этнография». 1953. № 2) и коллективный труд с его участием «Хозяйство и быт русских крестьян» (М., 1959). Кроме того, в 1950–1960-е им опубликован ряд статей об украинском декоративно-прикладном искусстве в украинском журнале «Народное творчество и этнография».

С конца 50-х А. Бежкович возобновил свои научные экспедиции на Кубань. Результатом их стала публикация во второй половине 60-х ряда ценных и необычайно смелых для этого времени статей. Две из них, увидевшие свет в сборниках докладов отделения этнографии Географического общества СССР, заслуженно считаются классическими: «История заселения Кубани» (1966) и «Современный этнический состав населения Краснодарского края» (1967). Без опоры на них не пишется сегодня ни одно серьезное исследование по кубановедению.

Скончался А. С. Бежкович 5 мая 1977 года в Ленинграде. Незадолго до этого украинскую часть своего архива он передал в Киев, в Институт искусствознания, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рильского. После смерти ученого лишь однажды была опубликована его «Рецензия на этнографическую карту Кавказа» [2] – давняя

робота, написанная весной 1930 года, да его студенческие дневники 1920-х годов [3].

Новая публикация из киевского архива О. Бежковича продолжает знакомство читателей с научным наследием нашего замечательного земляка. Мы впервые помещаем в печати народные песни, записанные ученым в родной станице в середине 1960-х годов от племянницы Мелании (Меланке Бежко было тогда 49 лет).

Часть песен по его просьбе она записала сама с небольшими комментариями, наполовину по-русски, наполовину по-украински. При публикации материала «Кубанські козацькі пісні, записані від Меланки Бежко (стан. Нововеличківська, Краснодар. край. Рукопис, укр., 1965–67 рр.)», хранящегося в Отделе рукописей ИИФЭ им. М. Т. Рылского [4], мы старались сохранять орфографию оригинала. Первые 17 песен записаны рукой М. Бежко (л. 2–9), свою часть рукописи она заканчивает такими словами: «Ну, дядя Фанасий, я свій долг выполнила, написала Вам песни наши старинные, но их и сейчас поют в станице. Конечно, я все не записала, их еще много, многие я уже забыла. Поймете ли мою писанину не то по-русскому, не то по-украинскому, ну я думаю, для вас будет ясно все». Дальнейшие 17 песен в записи А. С. Бежковича (л. 10–22) большей частью представляют чистовой вариант песен, записанных Меланкой. Меньшая часть репрезентирует новые сюжеты и варианты. Их дополнительно записал сам ученый при непосредственном контакте с носителем.

Здесь мы представляем ряд лирических песен, отражающих казачью службу, и песни из кубанского свадебного обрядового действия. И те и другие отличает динамизм, даже драматизм описываемых ситуаций. Некоторые составлены как напряженный диалог героев и лишены зачина и иных главных атрибутов лирического произведения. Коллективный автор (народ) не идеализирует ни казачий быт, ни воинские потехи, ибо их оборотной медалью является ранняя потеря здоровья, разрушение семьи, крушение всех надежд.

Таким предстал перед А. С. Бежковичем поэтический мир родной казачьей станицы Нововеличковской.

Кубанські козацькі пісні, записані від Меланки Бежко

1

Їхав козак долиною, за ним жінка у догін.
Вона його доганяє та й словами умовляє,
Та й милим другом його називає.

Ой, вернися, мій милий, до дому,
Малі діти плачуть за тобою.
Ей, малі діти плачуть, ой, тато і ненько тужать,
Ей, бо хвартуна козакові не служе.

Ой, як би ти, жінко, була добра
Да сиділа з дітками дома,
Неділеньку штила, а п'ятницю постила,
Щоб хвартуна козакові служила.

Ой, хвартуна та ще й хвартунина,
Послужи ти козакові, як раніше служила,
Служила ти в панстві, служила в бурлацтві,
Ей, послужи ж тепер міні в козацтві.

2

Прощай той край, де я родився,
Де життя я вперше видав,
Де козаком на світ явився
Та рідній Кубані присягав.

Ой десь козак та й забарився,
Чи його вбито на війні,
Чи у турецький плін попався,
Чи оженився на другій?

Я й не в турецький плін попався,
І не женився на другій,
Аж на четвертий рік з'явився,
На сіром вражеском коні.

Його коня сразила пуля,
Його не вбито на війні,
Лише одірвало праву руку.
Навік козак остався сиротою.

Тепер козак к роботі нигожий:
Ні посіять, ні косить.
Тільки осталося козакові
Сумку на плечі та іти просить.

3

За лісом сонце осіяло,
Там чорний ворон прокричав,
Слиза твоя на грудь скатилась,
Последний раз «прощай!» сказав.

«Прощай отец и ви, мамаша,
Простите сина свого.
Щитайте дні всі остальніє,
Часи гулянья моего».

Бивало с вечера до света
Дівчонка под боком лежить.
Тепер у мене молодого
Винтовка за спиной висит.

Чужая мамінька не скаже:
«Візьми, синочок, з'їш калач,
Чужая женщина не скаже:
«Пойдем, козаче, со мной спать!»

С черкеським пальмовим сідлом
Сажусь я на коня гнідого
І мчусь я не в знакомий край.

4

Козак от'їжає, а дівчина плаче,
«Куди їдеш, козаче,
Козаче-соколе, візьми мене з собою
На Україну далеку».

«Ой, дівчино мила, що будеш робити,
На Україні далекій?»
«Будемо шити, прясти, зелено жито жати,
Тебе, серце, кохати».

Ой, дівчино, мила, що будемо їсти
На Україні далекій?»
«Сухар з водою,
Аби серце з тобою, козаче».

«Ой, дівчино мила, де будемо спати
На Україні далекій?»
«В степу під вербою,
Аби серце з тобою, з тобою, козаче».

«Ой, дівчино мила, чим будемо вкриваця
На Україні далекій?»
«Тебе вкрис хмара,
Мене – людська слава, ти козаче молоденький».

5

А в неділю рано ще і сонце не сходе.
В вже мій миленький по казармі ходе.

По казармі ходе, в руках саблю носе,
В руках саблю носе, командира просе:

«Командире пане, отпусти додому,
Спокинув дівчину сам не знаю кому».

«Не пустю я тебе самого до дому,
Доручаю тобі коня вороного».

Коня вороного ще й нове сидельце,
Поїзжай до дому успокоїть серце».

Козак їде, їде, та вже й двір минає,
А дівчина стоїть плаче, вже ридас.

«Куди їдеш, козаче, що вже двір минаєш,
Я ж твоя кохана, хіба ти не знаєш».

«Як би ти, коханна, ти б мене кохала,
Не вспів за двір вийти, сина придбала».

«А я того сина під коника кину,
Вийду за ворота козаченька стрину».

6

«Ой, у полі озеречко, там плавало відеречко,
Соснові клепки, дубове денце.
Не цурайся мене, моє серце».

Там плавало і друге, трое суток з водою,
Вийди, дівчино, ой вийди, дівчино,
Поговоримо з тобою».

«Ой, рада б я виходити і з тобою, серце, говорити.
Та лежить мій милий на правій руці,
Так боюся розбудити».

Вставай же ти, мій миленький,
Вже на дворі світ біленький,

Сідлай коня та виїзжай з двора,
Ти не мій миленький, а я не твоя».

Козак коника сідла, до коника розмовляє:
«Біжи, коню, ой, біжи, вороний,
Аж до тихого Дунаю».

А коло тихого Дунаю я стану подумаю:
Чи міні вбиця, чи утопиця, чи назад воротиця?»

Ой мабуть, я утоплюся та й назад не вернуся,
Щука-риба, візьми моє тіло, а анголи – душу».

7

Рости сосна в гору, ми їдемо до дому
До своєї неньки, як рози повненькі.

А в нашого свата дубовая хата
Сінечки з берези, ми їдемо тверезі.

Пусти, свате, в хату, тут нас небагато –
Сім сот та чотири, та всі чорнобріві.

Старший боярин патлатий, до столу прийнятий,
Гвіздочком прибитий, щоб не був сердитий.

От столу до порога втоптана дорога.
Матінка поймала, вечеряти давала.

Брязнули ложки, тарілки, дайте по чарці горілки.
Ми ни хочимо сира, дайте нам вареної <...>

Ой, матінко-утко, ворочайся хутко,
Кидай у ніч тріски, дожидайся нивіски.

Оглянися мати, не вся сімья в хаті,
Велика журбина – ни вся сімьянина.

Ой, матінко-утко, ворочайся хутко,
Кидай у ніч дрова, оставайся здорова.

Литература, источники и примечания

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 5. Д. 614. (Документы о службе А. С. Бежковича у деникинцев разысканы краснодарским архивистом С. В. Самовтором).

2. Народна творчість та етнографія. 2000. № 5–6. С. 86–88. (В данной публикации автор назван О. Бішковічем).

3. Бежкович О. Передел старой жизни / предисл. и публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. 2004. № 2. С. 56–86.

4. Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рильского НАН Украины. Отд. рукописей. Ф. 51–4/71.

*Публикация и предисловие
В. К. Чумаченко*

A. S. BEZHKOVICH. FROM THE SONG FOLKLORE OF THE COSSACK VILLAGE NOVOVELICHKOVSKAYA

The examples of the Cossack folk songs recorded in 1965–1967 by the ethnographer A. S. Bezhkovich on Kuban in the Cossack village Novovelichkovskaya are presented in the article.

Key words: A. S. Bezhkovich, Cossack village Novovelichkovskaya, Cossack song folklore.